

Номинация в он-лайн Журнал "Живая Лента". Конкурсная подборка лауреата Международного литературного конкурса "5-й открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии - 2016".

Дмитрий БЛИЗНЮК, Харьков (Украина)

ПЛАГИАТОР

Банальное

мы
были счастливы наперегонки:

две плодужорки внутри одного яблока,
одного лета.
и время сгорало и плавилось от стыда,
не выдерживая напора нашей любви.
вспоминаю наши тесные объятия —
и мурашки щекотливой зыбью пробегают по спине...
так филенку для будущей скрипки
покрывают слоями горячего лака,
так мы пропитываемся музыкой, впечатлениями.
так ветвь цветущей сирени
жадно дышит после прошедшей грозы.
и каждое утро нас, как лангустов,
снова выбрасывают в океан жизни,
оторвав лишь левую клешню:
не убивают, но дают возможность восстановиться,
зализать раны, разжевать кости.
вот так мы уходим в невидимость,
исчезаем с семейных фотографий
как в фантастическом фильме,
если бы не глупость, если бы не любовь...
и я закрываю глаза, а когда открываю их —
проходят целые десятилетия,
проплывают над головой острова,
по-кальмарьи шевеля корнями деревьев,
и где это прожитое, как не над нами?
но точно не позади, ибо все мы
воздушно и медленно падаем в бездну
вниз воспоминаниями...

* * *

- 1 -

ива мелкими штрихами
в сонном озере отражена,
точно юная балерина в зеленоватом трико
упражняется возле станка
перед зеркалом — громадным, во все небеса —
оттачивает глубокий прогиб ветвей,
и легкий ветер — беспризорник с опахалом —
за гривенник обдаёт свежестью, нахал.
поздний вечер, вырезанный из картонной синевы
швейными ножницами, похожими на железную птицу;
мы сидим полукругом — дикое детское племя,
и высокое пламя костра
вытягивает себя за огненные патлы

из топей тьмы, и совсем рядом
тихо звенит эталонный брусок вечности,
которым стоит взвешивать
вот эту тишину, вот эти дни и ночи.
вот эти стихи.
и караваны воспоминаний
бредут по мерцающим барханам мертвого времени,
и небо над нами — компьютерная пустота,
нарезанная кубиками.

- 2 -

...но даже не вспомню, о чем
мы уютно молчали по пути в школу.
выложенные парафином коридоры
с металлическим запахом визга,
и мы — маленькие черные дыры:
ели через силу, росли через силу,
съешь ложку знаний за папу, за маму,
за красный диплом, за поездку в Анапу.
нужно заполнять себя хорошим —
немного насильно,
ибо каждая черная дыра однажды
может стать белым лебедем или мышью.
родить новую вселенную,
хрупкую планету на слонах и черепахе,
разродиться симфоническим концертом
или всепожирающим взрывом...

* * *

как ветер, сквозными ладонями
я выравниваю пустыни, высвобождаю
древних джинов из амфоры твоего тела,
как и пять тысяч лет назад — в пещерах.
в темноте у нас нет лиц, имен, фамилий,
нет пошлости.
мы в одном скафандре — бабочка и ягненок.
и необъятный серебристый костюм обоев
защищает нас от толпы.
что-то есть во мне честное, что тебе нравится,
что тебя смешит. перископ детства
изучает поверхность реальности.
помнишь нашу именную поляну
и громадные сосны — весенние, дальше,
по краю сознания,

похожие на ржавые водопроводные трубы,
вставшие на дыбы? и повсюду разбросаны мы,
голограммы, красные мотыльки,
раскиданы, как конфетти,
отражены в каждой капле, заклепке, зрачке.
не удивлюсь, если бессмертие — это
временное прояснение темной души.

- - -

поцелуи, сцены охоты, сборы пшеницы
записаны на твое тело
по некой эротичной системе Брайля,
и я медленно читаю тебя губами, пальцами,
древние жаркие сказки про Адама и Еву,
ты — тактильная книга с рельефными рисунками
для слепых мужчин.
изумительная выкройка страниц
на лопатках, пояснице
вот ты цепляешь помаду к губам,
живую бабочку-крапивницу — на нетоксичный клей,
женщина моей судьбы.
ручной сборки, как собор Гауди,
бюстгальтер привернут болтами.
ты закрываешься на завязки,
липучки или кнопки,
и я смиренно принимаю твою страсть
к шмоткам.

- - -

в хищном хаосе мы нашли хворост,
построили шалаш для влюбленных,
проложили зыбкий мост из ветвей в облаках.
шелковый поцелуйный путь
от твоего живота к моему.
мы — последние жители Помпей — замираем
в банальных позах и ризах, и нас засыпает
прозрачным мелодичным пеплом,
а мы не замечаем; пьем чай или обнимаемся,
сплетаемся корнями — просто так,
как два влюбленных дерева.
мы не можем покинуть наш последний день,
ибо он вставлен в следующий;
пирамидальная бесконечность комнат с зеркалами
и нашими исподволь стареющими телами.

невозможно изменить прошедшее —

можно лишь рассмотреть живые капли
бессмертия, памяти,
тысячи хамелиононошек.
значит, наше рождение впереди.
значит, мы только плаваем внутри времени,
оранжевые зародыши близнецов, играем,
сталкиваемся маленькими рыбьими ртами
в поисках — слова ли, укуса ли, поцелуя ли...
и вся огромная голубая планета —
наша сияющая плацента,
одна для двоих.

